

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П16

Оформление серии *С. Прохоровой*
Серия основана в 2005 году
Иллюстрация на переплете *И. Варавина*

Панов, Вадим Юрьевич.
П16 Прошлое должно умереть / Вадим Панов. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с. — (Тайный Город).

ISBN 978-5-04-109265-8

Мессеру Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Туру, дворянину и славному воину, угрожает смертельная опасность... Преследуя террориста Огнедела, убийцу своей возлюбленной, герой, известный всему Герметикону своим суровым характером, должен найти союзников, которые помогут в столь непростом деле. Но противник хитер и желает сокрушить железного Помпилио ударом по самым близким и дорогим для него людям... Сможет ли дер Даген Тур отомстить? Ведь для того, чтобы жить, Помпилио нужно убить свое прошлое...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-109265-8

© Панов В.Ю., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ПРОЛОГ,

*в котором пытливый путешественник с интересом
изучает нюансы провинциального правосудия*

— Веревка? — хмыкнул Помпилио, с искренним удивлением рассматривая виселицу.

— Да, веревка.

— Для меня?

— Ты сегодня герой дня, — подтвердил констебль. — Правда, ненадолго.

— Но говорить о тебе добрые жители Фоксвилля станут до вечера, — добавил мэр. — Пока не напьются.

Виселица оказалась старой, много чего повидавшей, но крепкой. Во время общегородских собраний она использовалась в качестве трибуны, с которой выступали мэр Чапли и констебль Дребренди, осуществляющие в Фоксвилле государственную власть, однако сегодня виселицу готовились использовать по назначению, для чего тщательно проверили работу механизма и прикрепили новую веревку.

— Ты серьезно? — продолжил Помпилио. — Вешать?

— Тебя что, никогда не вешали? — поинтересовался констебль. — Странно, учитывая, скольким людям ты успел насолить.

— Я — честный путешественник.

— Ты — бандит и убийца, — перебил Помпилио Дребренди. — Нас не обманешь.

— Потому что именно здесь, на пограничной планете, живут самые проницательные во Вселенной констебли, — проворчал Помпилио.

— Что ты сказал?

— Припомнил, что однажды меня действительно хотели повесить.

— И чем все закончилось? — уточнил любознательный Дребренди.

Помпилио ответил выразительным взглядом, после чего добавил:

— Деталей не помню, но кое-кто точно умер.

Констебль хмыкнул. Он плохо понял ответ пленника.

Разговор начался, когда Дребренди вывел связанного адигена¹ из городской тюрьмы — крепкого сарая, стоящего на заднем дворе мэрии, и они, сопровождаемые двумя охранниками с винтовками наизготовку, направились на главную площадь Фоксвилля. Причем инициатором стал Помпилио: он несколько раз задавал наводящие вопросы, однако среагировал Дребренди только на упоминание виселицы.

— Сегодняшнее повешение ты не забудешь, — пообещал констебль. — У нас тут народ простой и диковатый, пограничная планета, сам понимаешь. Работы много, работа тяжелая, а развлечений мало, к нам даже передвижной цирк не всегда заглядывает.

— Сочувствую.

— Поэтому мы тебя не пристрелили, — продолжил Дребренди. — Вешать и дольше, и смешнее. А после каждого повешения выручка бара подскакивает вчетверо.

— Бар принадлежит тебе?

— Как ты догадался?

— Ты постоянно открываешь рот, чтобы спросить, что я буду заказывать, но вовремя вспоминаешь, что находишься на другой работе.

¹ Значение этого и прочих используемых в Герметиконе слов и выражений см. в словаре.

Один из охранников хмыкнул, но тут же спрятал улыбку, перехватив бешеный взгляд констебля.

— Сегодня я выпью лишний стаканчик, — пообещал Дребренди, взяв себя в руки. — Ты меня насмешил.

— Я только начал, — прищурился Помпилио.

Ответа на это заявление не последовало.

Констебль — высоченный, мощного сложения бородач с крупными чертами лица — охотно посмеялся бы над дерзостью пленника, но они как раз подошли к мэру Чапли и важному гостю из сферопорта, директору расположенной на Фархе фактории Компании, которому Чапли разве что ботинки не облизывал, и Дребренди решил, что хохотать при них не следует.

— Вот, — произнес он, выталкивая Помпилио на шаг вперед. — Наш сегодняшний герой.

Мэр и директор внимательно оглядели пленника, а тот — их. И прежде, чем важные персоны принялись обмениваться впечатлениями, резко бросил:

— Я тебя знаю, галанит! — и высокомерно кивнул на директора Фактории. — Видел твою рожу в сферопорту.

— Больше вежливости, — велел констебль, но не удостоился даже кривой усмешки в свой адрес.

А вот директор не обиделся, весело рассмеялся и осведомился:

— Страшно?

— Пока нет, — качнул головой Помпилио. — Посмотрим, что будет дальше.

— Дальше будет страшно, — пообещал директор и неожиданно представился: — Меня зовут Ауроберт Спесирчик.

Однако руки не подал.

— Не боишься называть имя?

— Его здесь знают, — отмахнулся галанит.

— А мое? — быстро спросил Помпилио и понял, что выстрелил в нужном направлении: мэр и констебль слегка помрачнели. Но именно слегка, отказываться от экзекуции они не собирались.

— Я хочу, чтобы ты знал, кто приказал тебя повесить, Помпилио Чезаре Фаха дер Даген Тур, — негромко, но с видимым наслаждением произнес галанит. — А местным жителям не обязательно знать, кого они повесят. Их это не касается. А я... — он причмокнул губами. — Я войду в историю Галаны. Убью самого Помпилио! Героя Герметикона и любимца адигенов. И не просто убью, а повешу, как собаку, на радость и смех всей Галане.

— Можно будет устроить праздник.

— О твоей смерти напишут во всех газетах, причем шуток будет — хоть отбавляй.

Дер Даген Тур промолчал: уговаривать галанита отказать от казни не имело смысла. Зато теперь стала абсолютно ясна подоплека происходящего: Спасирчик заметил его в Гейтсбурге, сферопорту Фархи, каким-то образом выведаль его маршрут, скорее всего, подкупив одного из проводников, опередил их отряд, воспользовавшись тем, что Помпилио путешествовал по Фархе на лошадях, первым добрался до Фоксвилля и подготовил засаду. В местном трактире адигену подсыпали в жаркое что-то мощное, скорее всего — большую дозу фариция, а очнувшись, дер Даген Тур обнаружил себя в камере местной тюрьмы, обвиняемым в грабежах и убийстве. В убийствах, если быть точным: как выяснилось, он застрелил своих проводников, свидетелем чего, по стечению обстоятельств, стал один из помощников констебля.

— Если ты надеешься объявить с эшафота свое имя и тем смутить добрых жителей Фоксвилля, то не надейся, — пробормотал Дребренди, запихивая в рот пленника кляп. — С последним желанием, извини, тоже не получится.

Ситуация стремительно превращалась из плохой в катастрофическую. Руки связаны, рот заткнут, командует галанит, а их национальной чертой еще со времен Инезирской династии стала животная ненависть к адигенам. Помпилио понимал, что за него отомстят, возможно —

в ближайшие дни, прекрасно знал, как сыграть на этом и убедить людей опомниться, но не имел возможности.

Но страха не было, только вызванная бессилием ярость. Однако внешне это никак не проявлялось: адиген спокойно направился сквозь толпу к эшафоту, не обращая никакого внимания на летящие со всех сторон ругательства:

- Грабитель!
- Убийца!
- Сдохни!

Шел спокойно, с высоко поднятой головой.

Как все мужчины древнейшей лингийской династии даров — Кахлес, Помпилио дер Даген Тур отличался плотным, почти крестьянским сложением и был абсолютно лыс. Он мог сойти за деревенского кузнеца, крепости в нем хватало, однако лицо потомка бесчисленного числа правителей, и особенно его властное выражение, не оставляли сомнений в происхождении «кузнеца»: выпуклый лоб, надменный взгляд серо-стальных глаз, нос с горбинкой, упрямый подбородок... несмотря на то что сейчас дер Даген Тура был одет в простую цепарскую одежду, грубоватую, но удобную, со множеством карманов, любой житель Герметикона без труда опознал бы в нем адигена.

Но разгоряченные обитатели Фоксвилля были чресчур возбуждены предстоящим действием.

- Мерзавец!
- Смерть ему!
- Не жалейте убийцу!

А вместе с оскорблениями летели плевки и тычки, от которых охранники не спешили защищать пленника.

- Подонок!
- Ублюдок!

Фоксвилль был хоть и провинциальным поселением заштатной пограничной планеты, мог похвастаться населением в несколько тысяч человек, не меньше, и все они высыпали на площадь. Судя по всему, предыдущая

эзекуция состоялась давно, и жители успели соскучиться по зрелищу публичной казни.

— Проведите его по всей площади! Мы тоже хотим в него плюнуть!

— Не вешайте его слишком быстро!

— Не затягивайте сразу! Пусть потрепыхается!

Советы и пожелания летели до тех пор, пока мэр, за которым следовали палач и Помпилио, не поднялись на эшафот.

— Тихо! — рявкнул Чапли, и площадь мгновенно смолкла. — Граждане свободной республики Фарха! Возлюбленные жители Фоксвилля! Сегодня мы собрались для того, чтобы предать справедливому суду знаменитого грабителя и убийцу...

— Разве суда еще не было?! — крикнул кто-то из толпы.

— Был, — рассмеялся мэр.

— Тогда давайте вешать! Не останавливайся!

— Надеть ему мешок? — громко спросил палач, желая выдержать все положенные демократические процедуры.

— Да!

— Да!

— Нет!

— Да!

— Пусть так болтается!

— Без мешка!

— У них такие смешные ужимки!

Палач посмотрел на Чапли, тот пожал плечами, и мешок полетел в сторону.

— Не думайте, что я так же счастлив, как галанит, — неожиданно прошептал мэр на ухо Помпилио. — Просто я не могу ему отказать.

Ответом адигена стал короткий, но весьма выразительный взгляд.

— Начинай, — приказал Чапли, делая шаг назад.

Палач сделал шаг вперед и накинул на шею Помпилио петлю.

Толпа заволновалась.

Веревка в Фоксвилле оказалась грубоватой, но хорошо смазанной, и не было никаких сомнений в том, что задачу она выполнит.

— Не туго? — осведомился палач.

Снизу, из первого ряда, широко улыбался и пытался остроумно шутить Спесирчик, однако привлечь внимание адигена у него не получалось: дер Даген Тур готов был умереть, как трус, с закрытыми глазами, лишь бы не видеть перед смертью довольную рожу галанита. Поразмыслив, Помпилио посмотрел вверх, сменив вид озверелой толпы на образ безбрежного неба, и увидел на крыше мэрии человека с ружьем.

С винтовкой, если быть точным.

А если быть совсем точным, с прекрасной дальнобойной винтовкой «Шпрау», которую дер Даген Тур опознал по характерной форме приклада. Человек как раз занял удобную позицию и поднял оружие, изготовившись к стрельбе.

«Интересно...»

И в тот момент, когда палач сделал шаг к рычагу, намереваясь распахнуть люк и отправить знаменитого исследователя в последнее путешествие, стрелок надавил на спусковой крючок. Грохот выстрела прозвучал в тот же миг, когда тяжелая пуля влетела палачу в голову и швырнула на землю, но среагировать на него никто не успел... кроме мэра, который, проявив чудеса сообразительности и реакции, спрыгнул с эшафота и юркнул в толпу.

И вовремя спрыгнул, потому что первый выстрел не остался единственным: на крышах большинства домов оказались вооруженные люди, которые открыли огонь, заставив жителей Фоксвилля запаниковать. Причем стреляли они, как заметил Помпилио, не по людям, а по земле и поверх голов, не убивали, а разгоняли толпу, создавая хаос и неразбериху. И так же — предупредительно — повели огонь пулеметы из зависшего над

площадью цеппеля. И своей цели нападавшие добились: ничего не понимающие жители метались по площади в поисках укрытия, орали, ругались, сталкивались друг с другом, но не помышляли о какой-либо обороне. И никто не обратил внимания на сброшенную с корабля «корзину грешника».

— С вами все в порядке? — Вскочивший на эшафот цепарь сорвал с шеи Помпилио веревку и ловким ударом ножа освободил адигену руки. — Мы едва успели...

Однако договорить цепарь не успел: жизнь научила дер Даген Тура не доверять внезапно появляющимся спасителям, и первое, что сделал освобожденный от пут адиген — нанес сильнейший и совершенно неожиданный удар в челюсть, отправив цепаря в нокаут, после чего спрыгнул с эшафота и помчался к мэрии, возле которой заметил мотоциклет.

ГЛАВА 1,

*в которой Кира скучает, команда «Пытливого амуша»
готовится к походу, Огнедел получает обещание,
а Помпилио совершает увлекательное путешествие
по экзотическому лесу*

Самые старые миры Герметикона — планеты Ожерелья — являлись не только самыми заселенными, больше миллиарда жителей в каждом, но и самыми цивилизованными. И напоминали гигантские паротяги, тянущие человечество в будущее. Миры Ожерелья соперничали друг с другом во всем: в науке и промышленности, величии городов и тонкости искусства, в исследовании и обустройстве новых планет, на которых они традиционно создавали не колонии, а самостоятельные государства, превращая новые миры в свои подобия: в планеты, где власть принадлежала наследной аристократии.

Потому что самые старые миры Герметикона, за исключением Галаны, строго придерживались консервативных правил: власть — дарам, душа — Олгеменической церкви. Так пошло от Первых Царей, которые наследовали Добрым Праведникам, и так должно оставаться.

Оставаться, но не костенеть, и потому адигеном мог стать любой простолудин, обладающий должным умом, талантом или упорством — об этом тоже говорилось в заповедях Добрых Праведников и Первых Царей. А заповеди адигенами соблюдались. Где-то строго, где-то — как получится. Но если говорить о самой консервативной планете Ожерелья, то таковой по праву считалась Линга — оплот старинных правил и традиций. Мир, большинство даров которого вели свои родословные от Первого Царя. Мир,

сумевший устоять под натиском императора и добиться от великого завоевателя права на автономию. Мир, который люто ненавидели галаниты, потому что, несмотря на верность патриархальным традициям, Академия Наук заносчивых лингийцев не оскудевала на открытия, а промышленность считалась одной из лучших в Герметиконе.

Консерваторы шли вперед вместе со всеми, иногда — опережая всех, но при этом не менялись, сохранив себя на протяжении тысячи лет.

И городишко Даген Тур не менялся, оставаясь таким же тихим, уютным и полусонным, как в те далекие-далекие времена, когда основатель династии Кахлес увидел его и навсегда влюбился. Летом пыльный, зимой снежный, раскинувшийся на берегу озера Даген, но располагающийся вдали от традиционных торговых путей, городишко просто жил, с радостью встречая даров Кахлес, ищущих в нем тишину и покой, и не изменился даже после того, как в соседних горах обнаружили богатейшие запасы золота и меди. Ну нашли, ну денег стало больше, ну жить стало легче, но это же не повод превращать родной город в вертеп? Лингийцы вознесли хвалу Доброму Маркусу, публично выпороли шустрого дельца, решившего открыть в Даген Туре публичный дом для шахтеров, и вернулись к повседневным заботам. И лишь покивали головами, узнав, что к шахтам и прииску проложили железнодорожную ветку — вывозить добытое в Черемхейден. Мол, раз надо, значит, надо. Однако вокзал попросили выстроить за чертой города, чтобы не мешал.

Не очень удобно, однако настаивать на первоначальном плане прижать станцию к окраинным постройкам никто не стал — не в традициях. Да и опасно, учитывая любовь народа к оружию и либеральные правила, позволяющие владеть им любому законопослушному лингийцу.

В результате все новые строения, включая вокзал, оказались за пределами старого города, и жемчужина дарства Кахлес осталась безупречно красивой. И Кира дер Даген Тур не уставала ею любоваться.

Окна ее спальни смотрели на юг, на долину, и едва в каком-нибудь из фермерских домов начинал петь петух, Кира вскакивала с кровати, накидывала халат, распахивала тяжелые шторы, выходила на широкий балкон, кольцом охватывающий башню, и улыбалась, глядя на свой новый мир, на земли, название которых стало ее фамилией.

Глядя на адигенское владение Даген Тур.

Которым девушка любовалась в любую погоду, и в солнечную, и в пасмурную. С удовольствием разглядывала скалистые горы, нависающие над невероятно синими водами самого большого на Линге озера, пересчитывала рыбацкие суденышки, украшающие Даген белыми треугольниками парусов, и мысленно желала рыбакам удачи, а затем переводила взгляд на широкую долину, обрамленную высокими лесистыми горами. Долину, которую навеки скрепил с бескрайним озером старый город. Неменяющийся. Немного сонный. С высоченной колокольной собора Доброго Маркуса, уютными, утопающими в зелени домиками и узкими, мощенными булыжником улочками, по которым, как заверяли местные жители, ходил сам Праведник.

Проснувшись, Кира долго гуляла по балкону или стояла у окна, если шел дождь, и смотрела на свой новый дом, впитывала его, пыталась понять, почувствовать, чем привлек сей «медвежий угол» самую известную династию лингийских даров. И почему ее муж, блестящий Помпилио дер Даген Тур, знаменитый путешественник, исследователь и первооткрыватель, водящий дружбу едва ли не со всеми дарами Герметикона, при каждом удобном случае возвращается в любимое захолустье. И даже их свадьба, на которую съехался весь высший свет Ожерелья и адигенских союзов, состоялась в Даген Туре, а не в парадном Маркополисе.

Пыталась понять, но пока не понимала...

Налюбовавшись владениями и сполна надышавшись свежим воздухом, Кира вернулась в комнату, оставив